

Камердинер, который любил меня

Автор:

Валери Боумен

Камердинер, который любил меня

Валери Боумен

Шарм (АСТ)

Бомонт Белхем, маркиз Беллингем – ас британской контрразведки, способный выполнить самые сложные и опасные задания. Но мог ли он вообразить, что однажды служба Родине потребует от него пробраться в дом человека, подозреваемого в предательстве, под видом... камердинера?

Эта злосчастная миссия и сама-то по себе с самого начала смахивает на задорную комедию. А тут появляется еще и очаровательная горничная Марианна Нотли, которая, сразу же заподозрив «камердинера» в нечистой игре, сама шпионит за ним не хуже профессиональной разведчицы, а в процессе нечаянно покоряет его сердце...

Валери Боумен

Камердинер, который любил меня

© June Third Enterprises, LLC, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Бомонт Белхем, маркиз Беллингем, собирался на очередную вечеринку с друзьями. Единственный среди них непьющий, он всегда следил, чтобы никто не натворил ничего неподобающего, что случалось довольно часто. В его задачу также входило проследить, чтобы все добрались до дома в целости и сохранности.

Друзья облюбовали столик на четверых в просторной нише таверны «Любопытный козел», и Беллингем выжидал момент, чтобы поделиться с ними одной идеей, хотя они скорее всего сочтут ее нелепой. Он как раз обдумывал, как лучше изложить свои соображения, чтобы всем было понятно, когда Кендалл поставил кружку на шершавую столешницу и объявил:

– Вот что, друзья: я решил жениться.

Белхем уставился на друга так, словно у того выросли рога, да и Уорт с Клейтоном явно опешили. Да уж, любопытно, к чему такая срочность.

Как обычно, Рис Шеффилд, герцог Уортингтон, первым обрел дар речи. Несмотря на пагубное влияние папаши, сумасброда и психопата, ныне покойного, Уортингтон не скатился по наклонной. Нет, Уортингтон не был монахом, но всегда умел вовремя остановиться, и хотя всячески демонстрировал наплевательское отношение к жизни, никто не сомневался, что если понадобится, он не раздумывая отдаст жизнь за страну.

В ответ на заявление Кендалла Уортингтон тряхнул головой, поморщился и с шумом втянул воздух:

– Ты серьезно? Неужели появилась необходимость ввязываться во что-то, столь... постоянное?

– Наверное, старею, – мелодраматично изрек Кендалл.

– В двадцать девять? Да мы еще неразумные щенки! – воскликнул Уортингтон. – Моему отцу было за пятьдесят, когда я родился.

Кендалл еще не привык к роли графа, поскольку получил титул после смерти от чахотки старшего брата, и относился к нему со всей возможной ответственностью: даже обратился в парламент с законопроектом о занятости, разработанным братом. Только если опять речь зашла о женитьбе, значит, у него провалы в памяти.

Беллингем решил, что пора вмешаться, и, прищурившись, спросил:

– Ты уверен, что готов? Прошло всего два года, с тех пор как...

Продолжать не имело смысла: зачем сыпать соль на сердечную рану, которая едва затянулась... В отличие от него самого и Уортингтона, который всегда проявлял сдержанность в отношениях с противоположным полом, Кендалл был слишком эмоциональным и ранимым. Когда невеста Кендалла, леди Эмили Форсуэл, бросила его прямо перед свадьбой, променяв на претендента с титулом, он был раздавлен, уничтожен.

Уортингтон зарекомендовал себя убежденным холостяком, а сам Беллингем считал, что семью ему заменяет работа в министерстве внутренних дел. Он даже попытался отказаться от титула, чтобы воевать солдатом против Франции, но в этой просьбе ему было отказано. Очевидно, монаршим особам маркизы были нужнее в родных пенатах, так что Беллингем смог применить свои таланты в другом месте: в министерстве внутренних дел он возглавлял отдел внешней разведки. Эта работа: отслеживать предателей – ему очень нравилась.

Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, воскликнул, оторвав Белла от посторонних мыслей:

– Слава богу! Скоро я буду не единственным из нас, связанным по рукам и ногам узами супружества.

Клейтон женился совсем недавно и только что вернулся из путешествия, в котором провел медовый месяц. Виконт обожал свою жену, любил политику и науку (именно так, и не иначе). Богатый как Крез, Клейтон был настоящим другом и преданным супругом. Семейная жизнь явно пришлась ему по вкусу.

Беллингем безглаголиво отодвинул кружку, наполненную сомнительного вида пойлом, и обвел друзей взглядом.

Это были самые близкие люди. Познакомились они в Итоне, крепко сдружились и долгие годы не расставались. У каждого в этой мужской компании была своя роль – так сложилось.

Для Кендалла на первом месте всегда был долг. Годы службы на королевском флоте научили его ответственности, он всегда выполнял обещания, которые давал, и не боялся вваливать на свои плечи груз, для многих неподъемный. После предательства леди Эмили его совершенно не привлекала идея женитьбы.

Уортингтон обладал потрясающей способностью любую ситуацию свести к шутке: отпускал порой такие замечания, что даже друзья не знали, куда глаза девать. Ему нравилось, чтобы его считали лоботрясом, но с герцогским титулом и немалым состоянием добиться этого было непросто. Он был абсолютно предан друзьям и до сих пор не простил леди Эмили предательства его лучшего друга.

Сам Беллингем даже не задумывался о женитьбе: было полно более важных дел. В данный момент, например, он выслеживал предателя, который едва не поставил под удар части британской армии на реке Бидасоа. Кто-то из членов парламента, знакомый с планами Веллингтона в Испании, поделился ими с противником, поставив тем самым под угрозу всю операцию.

Депешу, слава богу, удалось перехватить, и британская армия одержала при Бидасоа победу, но это не сделало сам акт предательства менее чудовищным. Для Беллингема поиск преступника и передача его властям для осуществления правосудия стали делом чести. Отсюда – и необычная идея, которая недавно пришла ему в голову и теперь постоянно напоминала о себе.

Пока же друзья обсуждали заявление Кендалла по поводу женитьбы.

– Я не шучу, – убежденно заявил Лукас. – Мне нужен наследник. Боюсь, все последнее время у меня отнимал законопроект о занятости, и мне было не до поисков невесты.

– Да уж, этот законопроект сделал тебя одержимым, – усмехнулся Уортингтон.

Лукас пожал плечами.

– Ну, теперь, поскольку голосование отложили до осенней сессии, у меня есть время для сбора необходимых голосов и я могу серьезно заняться поисками подходящей кандидатуры на роль жены.

Беллингему вдруг пришла в голову еще одна сумасшедшая мысль, и он прищурился.

– Лично я никогда не проявлял интереса к работе парламента, – растягивая слова, проговорил Уортингтон. – Жалко времени. А все эти обсуждения... такая скука.

– Я совершенно уверен, что там справятся и без тебя, – устремив на друга насмешливый взгляд, заметил Беллингем.

– Когда настанет время голосовать за законопроект моего брата, – сказал Кендалл, – я лично приеду к тебе, Уорт, вытащу из постели и отвезу в парламент.

Беллингем и Клейтон расхохотались, а Уортингтон, одарив друзей самой очаровательной улыбкой из своего арсенала, заметил:

– Давайте не будем о грустном. Куда интереснее заявление друга Лукаса о намерении жениться. Поведай-ка нам, любезный, сколько тебе лет?

Кендалл окинул друга непонимающим взглядом и буркнул:

– Ровно столько же, сколько тебе, старина.

Все прекрасно понимали, что Уорт взялся за свое: все четверо были ровесниками с разницей в несколько месяцев.

– Вот именно! – объявил герцог, откинувшись на спинку стула. – Совсем еще мальчишка! К чему такая спешка?

– Ну-ну, я бы попросил... – вмешался Клейтон.

– Легко говорить, если не надо заботиться о наследовании титула, – усмехнулся Кендалл, и Уортингтон, пожав плечами, легко согласился:

– Не стану спорить.

Щелкнув пальцами, чтобы привлечь внимание официантки, он заказал еще по кружке эля для всех.

– Если ты говорил о женитьбе серьезно, то немного опоздал, – заметил Клейтон. – Сезон закончился, через неделю-две, когда парламент уйдет на каникулы, общество разъедется по своим загородным поместьям.

– Да я и не хотел заниматься поисками невесты в сезон, – признался Кендалл. – От одной мысли об этом у меня мурашки бегут по коже. Всюду жеманные девицы и хищные мамыши, намеренные любой ценой заполучить богатых мужей для своих чад. Нет уж, увольте!

– А есть другой способ найти невесту? – спросил Беллингем и подумал, что его идея не столь уж и бредовая, если повернуть разговор в нужное русло.

– Пока не знаю. – Кендалл отпил эля. – Только на сей раз я твердо намерен найти девушку, которая будет любить меня, а не деньги и титул.

– И это правильно! – провозгласил Уортингтон и стукнул кулаком по столу. – Думаю, все со мной согласятся, что леди Эмили нет оправдания: какое вероломство! Лично для меня эта женщина больше не существует. Очень хотелось бы узнать, известно ли ей, что упустила графа, поспешив выйти за барона.

– Давайте не будем ее обсуждать, – раздраженно буркнул Кендалл и прикрыл глаза рукой.

Жизнерадостный Уортингтон не мог долго предаваться меланхолии, и, когда официантка принесла выпивку, одарил девушку очаровательной белозубой улыбкой и снова обратил внимание на друга:

– Я всего лишь хотел сказать, что сезон со всей его претенциозностью – последнее место, где можно найти преданную и верную спутницу жизни.

Кендалл отсалютовал другу кружкой:

– Разве я сказал не то же самое? Я вот уже два года избегаю сезонов как чумы.

– Ах вот почему тебя не затащишь в «Олмакс»? – усмехнулся Уортингтон, всем своим видом источая сарказм. – А я-то думал, что всему виной жидкий чай и болтливые кумушки.

– Ну, ты-то не ходишь туда по другой причине, – усмехнулся Беллингем. – Там же не подают ничего крепче чая.

Уортингтон подмигнул ему:

– Не спорю. А еще там нельзя сорвать банк, как у Холлистера.

Этот игорный дом был любимым у герцога: там он проводил практически все свое свободное время, имел карт-бланш и регулярно то выигрывал, то проигрывал небольшие состояния.

Кендалл почесал подбородок и невидящим взглядом уставился в кружку.

– Если бы в обществе не знали, что теперь я граф, у меня было бы больше шансов найти достойную пару.

Рис расхохотался так, что обернулись другие посетители.

– Я бы многое дал, чтобы увидеть, как граф, переодетый простолюдином, чтобы найти истинную любовь, чистит конюшни или выгребные ямы.

Клейтон поддержал Шеффилда, а вот Беллингем вполне серьезно проговорил:

– А что, не такая уж безумная идея.

Наконец-то разговор сам собой перетек в нужное русло.

– Ты о чем? – уточнил Кендалл.

– О том, чтобы предстать в обличье простолюдина и попытаться найти невесту.

– Ты спятил, старина? – перестал веселиться Рис. – Или решил изменить своим принципам и выпил?

Беллингем подался вперед и совершенно серьезно заметил:

– В правильных обстоятельствах все может получиться.

Кендалл растерянно моргнул.

– Не понимаю, как это возможно.

– Да его в обществе знают в лицо, – заметил Клейтон. – Как он может измениться?

– Ты предлагаешь ему надеть маску или приклеить усы и бороду? – уточнил Уортингтон уже без улыбки.

Кендалл несколько минут в недоумении переводил взгляд с одного друга на другого и, в конце концов, заключил:

– Вы не можете говорить это серьезно. Клейтон прав: меня знает каждая собака.

– Нет, речь не о маскарade, – пояснил Беллингем, – а о... подходящих обстоятельствах.

– Например? – не понял Уортингтон и подался вперед.

– Вы двое меня пугаете, – подал голос Кендалл. – Неужели всерьез думаете, что это возможно?

– А почему бы нет? Да, идея нелепая, ну и что? Главное – все хорошо обдумать. К примеру, пусть это будет... прием в загородном доме, – с воодушевлением принялся объяснять Беллинге́м, игнорируя настороженность Кендалла.

Уортингтон потрянул головой и прищурился.

– Прием в загородном доме, ну да, ну да...

– Но не просто где-то чей-то дом, – продолжил Беллинге́м. – Прием должен устроить один из участников эксперимента.

– Эксперимент? – вскинулся Клейтон. – Мало что мне нравится больше, чем опыты и эксперименты. Кстати, так уж случилось, что я как раз собираюсь разослать приглашения на свой ежегодный прием в загородном доме.

– Превосходно! – воскликнул Беллинге́м. Именно в помощи Клейтона он отчаянно нуждался.

– Эксперимент? Что за эксперимент? – испугался Кендалл. – Подождите. Меня все равно узнают.

– Он прав, – заметил Клейтон, отхлебнув эля.

– Значит, надо пригласить только дебютанток этого сезона и создать правильные условия, – невозмутимо заметил Беллинге́м.

Кендалл глубоко вздохнул и отодвинул кружку подальше, чтобы не было соблазна выпить еще: ему нужна сейчас трезвая – ну почти... – голова.

– Дебютантки меня, возможно, и не знают, зато их мамы – определенно. Многие из них уже были при дворе со старшими дочерьми.

– А вот здесь требуются правильные условия, – с улыбкой змея-искусителя проговорил Беллинге́м.

Уортингтон поскреб отросшую за день щетину на подбородке и тоже широко улыбнулся.

– Полагаю, ты на правильном пути.

Отлично! Если даже Уортингтон видит достоинства его плана, шансы убедить оставшихся скептиков повышаются.

– Имейте в виду: я отказываюсь носить маску, – заявил Кендалл. – Если вы подразумеваете именно это. Мы все-таки живем не в Средневековье.

– Никакой маски, – успокоил его Кендалл и, откинувшись на спинку стула, принялся пощипывать нижнюю губу, как всегда, совершенно бессознательно, если что-то замышлял. Строить планы – это так забавно!

– О разных там переодеваниях тоже не может быть и речи, – продолжил Кендалл и отодвинул кружку еще дальше.

– Ну, я имею в виду не совсем это...

– Клянусь Богом, это будет очень интересно наблюдать за спектаклем, – рассмеялся Уортингтон, потирая руки.

– За каким еще спектаклем? – поморщился Клейтон, явно пребывая в недоумении. – Я перестал понимать, о чем вы говорите.

– Все о том же: Кендалл сыграет роль слуги, – объяснил Беллингем, ухмыляясь.

– Слуги? – растерянно переспросил Кендалл.

– Да! Превосходно! Все получится! – Уортингтон аж в ладоши захлопал.

Кендалл уставился на него, как на безумного.

– А что тебя так обрадовало?

– Это не дает гарантии, что какая-нибудь из мамаш даже в ливрее слуги его не узнает, – заметил Клейтон.

– Ерунда! – возразил Беллингем. – Где вы видели, чтобы светские дамы обращали внимание на слуг? В разведшколе я убедился, что мало кто замечает детали. Бьюсь об заклад, что ни одна из дам не взглянет на Кендалла дважды, если он будет в ливрее, бриджах до колен и парике.

– У слуг есть огромное преимущество: они имеют отличную возможность наблюдать, как ведут себя леди, когда не стремятся на кого-то произвести впечатление, – добавил Уортингтон, убрав со лба длинную темную прядь. – Могу поклясться, что, обращаясь к потенциальному жениху, леди покажет себя с самой лучшей стороны и выставит в самом неприглядном свете перед слугой. Я в этом неоднократно убеждался на примере собственной матери.

– Вы оба сошли с ума, – констатировал Кендалл.

– Лично я – нет, – заверил его Клейтон и ослабил галстук. – Но задумка мне нравится, и я с радостью предоставляю свой загородный дом в качестве места проведения эксперимента.

Ну и дела! Так всегда бывает, стоит переборщить с выпивкой: самые безумные идеи кажутся вполне осуществимыми.

– Значит, ты тоже спятил, – обреченно объявил Кендалл.

– И все-таки подумай, – сказал Лукасу Беллингем. – Ты сможешь выбрать ту леди, которая тебе больше всего подходит. Не зная, что за ними наблюдают, дамы будут вести себя более естественно.

Кендалл прищурился:

– Странно, что ты не видишь в своем плане никаких изъянов.

Беллингем пожал плечами: чем невозмутимее себя вести, тем лучше.

– А что может пойти не так? Риск не так уж велик. Если кто-то тебя узнает, мы вовремя вмешаемся и попросим подыграть нам. Не сомневаюсь: любой согласится поразвлечься.

– А если я увижу девушку своей мечты, то что я должен делать? Сорвать ливрею, признаться, что я граф, и ждать, что она немедленно бросится мне на шею? – язвительно спросил Кендалл.

– Вовсе нет, – отвечивал Белл. – Я всего лишь предлагаю тебе понаблюдать, как юные леди относятся к слугам. Ты сможешь просто присмотреться, а уж ухаживать начнешь в следующем сезоне.

Кендалл медленно покачал головой и все-таки потянулся за кружкой. Возможно, если выпить еще, он тоже обнаружит в задуманном фарсе здравый смысл.

– Вы предлагаете мне выбрать будущую графиню на основании ее отношения к лакею?

Белл приподнял бровь и проговорил медленно, четко выговаривая каждое слово:

– А как леди Эмили относилась к слугам? – После паузы он сказал: – Судя по выражению твоего лица, друг мой, ты все понял.

Лукас скрипнул зубами, и Беллингом добавил себе еще одно очко.

Впрочем, это еще не все. Пора познакомить друзей с самой странной из всех его идей, решил Беллингом и между прочим проговорил:

– Да, вот еще что: я намерен составить тебе компанию.

– Что? – воскликнули друзья в один голос, и на красивой физиономии Уортингтона появилось выражение шока.

– Зачем тебе это?

Беллингом расправил плечи и уселся поудобнее.

– Я давно отслеживаю предателя, который чуть не поставил под удар битву у Бидасоа, и мне удалось сузить круг подозреваемых до трех человек.

– Ты имеешь в виду задание министерства внутренних дел? – уточнил Рис, понизив голос.

– Да. И если Клейтон пригласит на свой прием эту троицу, я тоже переоденусь слугой, чтобы наблюдать за ними.

Уортингтон расхохотался.

– Ну кто бы сомневался! Ты никогда не забываешь о работе на корону, Белл, даже когда мы пьем.

Да уж, Рис, как всегда, проницателен. Белл улыбнулся шире. Ему никогда не удавалось одурачить Уорта. Впрочем, никого дурачить Беллингом не собирался: ему просто нужна была помощь.

– Почему бы не использовать благоприятную возможность для достижения сразу двух полезных целей вместо одной? Скажу честно, я обдумывал этот план еще до того, как Кендалл поведал нам о своем желании жениться, но если он пойдет на пользу нам обоим, тем лучше. Кстати, нам придется выполнять работу настоящих слуг: встречать гостей, относить, приносить, подавать и не забывать при этом кланяться.

– Хм, а мне, пожалуй, нравится идея, что под крышей моего дома будут вестись шпионские игры, – задумчиво протянул Клейтон и, основательно приложившись к кружке, продолжил: – Это придаст делу дополнительный налет интриги. И поскольку я никогда не был солдатом и не служил короне иным способом, мой долг согласиться на эту военную хитрость. Не говоря уже о моей любви к экспериментам. Ну так что, Кендалл?

Лукас, осушив кружку, вытер губы тыльной стороной ладони и с обреченностью висельника ответил:

– Ну, если уж Беллингом со мной, как я могу отказаться?

Беллингом с трудом скрыл торжествующую улыбку. Ему все еще надо было убедиться, что друзья станут играть по его правилам, причем не только сегодня, но и потом – на трезвую голову.

Официантка вернулась с очередной кружкой эля для Уортингтона. Рис бросил ей монетку, игриво улыбнулся и опять обратил все свое внимание на друзей.

– Лично мне так интересно узнать, что из всего этого получится, что я не только с радостью понаблюдаю за спектаклем, но и поставлю крупную сумму на исход предприятия. Кто готов сделать ставку?

Беллингем закатил глаза и проворчал:

– Тебе бы все играть, Уорт, не можешь ты иначе.

– Возможно, но, согласись, это чертовски заманчиво. – Рис кивнул в сторону Белла. – Пять сотен фунтов на то, что вас обоих разоблачит какая-нибудь проникательная мамаша, не пройдет и недели.

– Принимаю пари! – объявил Клейтон, подняв палец. – Ты, я полагаю, будешь среди гостей, Уорт?

Ехидный смех Кендалла не позволил Рису ответить сразу.

– Разумеется. Нашего друга Уорта никогда не примешь за лакея. – Лукас покачал головой и с откровенной симпатией взглянул на друга. – Боюсь, ты и часу не выдержишь, чтобы кому-то прислуживать.

Уортингтон резко выпрямился, ноздри его гневно раздувались.

– Я считаю это оскорблением. Почему это вы сможете, а я – нет? Определенно, смогу и я, к тому же не хуже вас.

Клейтон надул щеки и помотал головой, избегая взгляда друга.

– Не уверен, что могу согласиться с этим, старина.

Рис скрестил руки на груди и взглянул на Эвана с вызовом.

– Ты и правда считаешь, что я не справлюсь?

– Да, – кивнул Клейтон, хоть и выглядел несколько смущенным. – Да, не справишься, если придется выполнять реальную работу слуги.

Теперь Уортингтон сверлил глазами Беллингема.

– Ты тоже так считаешь?

Тот покачал головой. Если бы он считал, что другу может что-то угрожать, то придержал бы язык, но про самоуверенность Уорта ходили легенды. Кроме того, герцогу неплохо бы знать, что мало переодеться слугой – надо еще иметь и определенные навыки.

– У тебя нет ни одного шанса. Извини. Вы, ваша светлость, даже не представляете, как это – прислуживать другим: ведь всегда прислуживали вам.

– Зато я точно знаю, как это следует делать должным образом, – недовольно проворчал Уортингтон.

Кендалл фыркнул:

– Не думаю, что видеть, как прислуживают тебе, и прислуживать самому – одно и то же.

Глаза Уортингтона стали круглыми.

– Кто бы говорил! Ты же сам чертов граф!

– Да, пусть так, но я знаю, что такое тяжелый труд. Не забывай, что я много лет служил на флоте, и мне приходилось выполнять самую разную работу, в том числе щипать паклю и выбирать из сухарей червяков. Кстати, это еще не самое плохое, есть куда менее приятная работа, – заметил Кендалл.

Уортингтон так шлепнул ладонью по столу, что кружки подпрыгнули.

– Отлично! Тысяча фунтов на то, что я смогу выполнять обязанности слуги в течение двух недель, ну или по крайней мере дольше, чем любой из вас.

– Дурдом, – вздохнул Клейтон, таращась на Уортингтона.

– Я совершенно серьезен, – процедил тот, явно не собираясь отступить. – Тысяча фунтов, джентльмены. Кто принимает пари?

– Я, – ответили хором все трое.

Глава 1

Избавиться от камердинера оказалось куда проще, чем предполагал Беллингем. Понадобилось всего лишь осторожно расспросить жителей деревни, принадлежавшей лорду Копперпоту, нанести визит в паб, который, как известно, регулярно посещал камердинер милорда, и сорок фунтов стерлингов.

Сумма превышала годовое жалованье камердинера, и он был счастлив сказать себя тяжелобольным непосредственно перед тем, как отправиться с хозяином на загородный прием лорда Клейтона.

Коллеги Беллингема из министерстве внутренних дел были частыми гостями в популярном агентстве по найму домашней прислуги, и уже через двадцать четыре часа он стоял на пороге дома Копперпота, чтобы занять место камердинера его милости.

Выбор не был случайным. Во-первых, и это самое главное, Копперпот был одним из трех подозреваемых в предательстве, во-вторых, они не были знакомы и никогда не виделись, а в-третьих, и это тоже было немаловажно, все знали, что его камердинер любит выпить и частенько оказывается на мели. Эти три причины сделали Копперпота идеальным аристократом, которому Беллингем собирался прислуживать в течение двух следующих недель на загородном приеме в доме Клейтона.

Кендалл даже придумал название для их авантюры: «Клуб лакеев». И хоть Белл объяснил друзьям, что ему нужно быть именно камердинером, а не лакеем, решили название не менять, даже после того как Рис передумал и отправился в конюшню ухаживать за лошадьми.

Получив многочисленные наставления от экономки в городском доме Клейтона миссис Котсуолд, Беллингем целую неделю наблюдал за работой собственного камердинера, задавая ему тысячи вопросов.

Белл под руководством Малколма научился ухаживать за одеждой и обувью, готовить ванну, обеспечивать чистоту и проветривание гардеробной, точить и править бритву. Он даже взял урок стрижки, на случай если вдруг Копперпоту понадобится освежить прическу. Правда, втайне Белл надеялся (исключительно ради блага лорда Копперпота), что этот навык ему не пригодится.

Белл два дня учился у Малколма завязывать галстук и так надоел камердинеру, что тот стал всерьез подумывать о поисках нового места.

Наконец пришло время отправиться в загородное поместье Копперпота, и Белл без труда получил должность камердинера. Еще бы: рекомендацию ему дал сам герцог Уортингтон, причем заверил, что мистер Николас Бакстер обладает большим опытом и станет настоящей опорой для своего хозяина. Маркиз в роли камердинера был безумно рад, что успел хорошо подготовиться.

Через два дня, откупившись от теперешнего камердинера Копперпота и взяв с него обещание держать язык за зубами, Белл выехал вместе с другой прислугой, сопровождавшей хозяев, в загородный дом Клейтона.

Свита Копперпота отправилась в Девон в трех экипажах. В одном ехали лорд, леди и их восемнадцатилетняя дочь Вильгельмина, в другом – прислуга женского пола, а в третьем – Белл, два лакея и эконом. Дороги были ужасные, ехали долго, и Беллингем решил использовать время с пользой, попытавшись разговорить одного из лакеев. Дождавшись, когда все расслабятся, убаюканные покачиванием экипажа и пригретые солнцем, он спросил лакея, сидевшего напротив:

– Ты давно служишь его милости?

Белл старался не выдавать заинтересованности, словно завел разговор, просто чтобы скоротать время. Пришлось изменить манеру речи, чтобы не выдать образованность и происхождение. Следуя по пятам за Малколмом, Белл изучал также его мимику, жесты, запоминал просторечные выражения.

Одного лакея звали Чарлз, а другого – Гарри, и он сладко спал, при этом храпел так, что уснуть рядом с ним было невозможно.

Чарлз выпрямился и почесал затылок.

– Уже почитай два года.

Белл кивнул. Предательство имело место прошлой осенью, а значит, в это время Чарлз уже был на службе у Копперпота. Вытащив из кармана пакетик орешков, Белл предложил новому знакомому. Если верить Малколму, орешки имели очень большое значение для установления если не доверительных, то по крайней мере добрых отношений между слугами. Белл захватил с собой несколько вместительных пакетиков с маленькими коричневыми орешками в надежде на их особую помощь.

– Спасибо, мистер Бакстер, – отвечивал Чарлз и взял горсть орешков.

Белл между тем продолжал беседу, стараясь не слишком надоедать. Ему сначала необходимо завоевать доверие лакея, а уж потом проявлять интерес к Копперпоту и его домочадцам.

Разумеется, лорд может оказаться вообще не при делах: ведь он – один из трех подозреваемых, которые входили в специальный совет парламента и знали о намерении Веллингтона переправиться через реку Бидасоа прошлой осенью.

Депешу перехватил солдат, вернулся в британский лагерь и передал ее Веллингтону, но на обратном пути был ранен. Хорошо, что граф успел наградить героя до того, как тот умер от раны.

Англичане вместе с союзниками, испанцами и португальцами, одержали победу у Бидасоа, но исход мог быть совсем иным, если бы некий рядовой, рискуя жизнью, не перехватил послание и оно не попало к адресату – французскому генералу командиру Саулту.

Письмо предателя было отправлено в министерство внутренних дел, где целая команда экспертов в течение нескольких недель пыталась распознать почерк предателя. Всего несколько человек знали о планах английской армии

переправиться через реку. Двух человек исключили ввиду их несомненной преданности короне и отсутствия возможностей, и осталось трое: лорд Копперпот, лорд Хайтауэр и лорд Каннингем.

После нескольких недель напряженной работы эксперты пришли к выводу, что ни один из трех упомянутых лордов к письму не причастен, только это не избавило их от подозрений: ведь предатель вполне мог продиктовать послание кому-то из слуг. Иными словами, кто-то из прислуги одного из лордов знал о предательстве своего хозяина и даже способствовал ему.

Было разумно также предположить, что ему хорошо заплатили. Беллингем давно понял, что если как следует заплатить, то кто-то может предать свою страну, а если заплатить еще больше, то он выдаст негодяя, толкнувшего его на предательство. Именно так Белл и собирался поступить, пока будет играть роль камердинера лорда Копперпота.

Так уж случилось, что Клейтон был на дружеской ноге со всеми тремя подозреваемыми. Впрочем, виконт исключительно дружелюбен со всеми, именно поэтому его загородное поместье было идеальным для задуманной Беллингеом интриги. К тому же у всех подозреваемых имелись дочери на выданье, дебютировавшие в прошедшем сезоне, но не получившие ни одного брачного предложения, и это гарантировало прибытие на прием к Клейтону всех трех семейств.

Беллингем заранее предупредил Клейтона, чтобы тот отправил приглашения всем троим, а чтобы никто не вздумал отказаться, намеренно распространил слух, что ожидается приезд принца-регента. Для этого был специально приглашен сэр Реджинальд Фрэнсис. Это был вполне безобидный, самовлюбленный хвостун, и именно ему предстояло позаботиться, чтобы принц-регент покинул Карлтон-хаус и пожаловал на загородный прием. Если у Копперпота, Хайтауэра и Каннингема и было что-то общее, то это стремление обратить на себя внимание принца-регента и заручиться его протекцией.

На прошлой неделе Клейтон сообщил в письме, что все три джентльмена приняли приглашение и заверили, что непременно придут на прием, так же как сэр Реджинальд и, вполне возможно, принц-регент. Все постепенно становилось на свои места. Подобные миссии не бывают быстрыми. За последние годы Беллингем участвовал в аналогичных мероприятиях во Франции и имел опыт.

Нет, это довольно тонкая, деликатная миссия, которая потребует хорошей актерской игры, и если его другу Кендаллу удастся параллельно найти себе невесту, тем лучше. Кстати, ни единого шанса, что Уортингтон выдержит роль слуги больше сорока восьми часов, пусть даже и на месте конюха на конюшне. Так что есть возможность выполнить свою задачу, помочь Кендаллу обрести семейное счастье и вдобавок выиграть приличную сумму денег. Если, конечно, удастся сохранить место слуги дольше других.

Экипаж, раскачиваясь и подпрыгивая, катил к поместью Клейтона. Белл со всеми удобствами расположился на сиденье, прикрыл шапкой глаза и сделал вид, что спит. Через две недели он выяснит, кто предатель, передаст негодяя властям, и тот предстанет перед судом по обвинению в государственной измене.

Это будет увлекательное приключение в загородном доме его друга. Что там может случиться непредвиденного?

Глава 2

Поместье виконта Клейтона,

Девон, август 1814 года

Мисс Марианна Нотли в растерянности стояла посреди спальни, где всюду были разбросаны дорогие платья, перчатки и всевозможные аксессуары. Ее хозяйка, леди Вильгельмина Копперпот, была особой, мягко говоря, взбалмошной. Они только что прибыли в поместье лорда Клейтона, а леди уже ухитрилась устроить в комнате настоящий бедлам.

Девушка постоянно крутилась перед зеркалом, что-то примеряла и отбрасывала то, что пришлось не по вкусу, словно мусор, на пол. А чего стесняться? У нее же есть горничная, которая все подберет и вернет на место.

Марианна подняла с пола роскошное платье из небесно-голубого сатина, отделанное тончайшими кружевами, – мечта, а не платье. Хоть бы раз в жизни такое надеть, а леди Вильгельмина швырнула его как тряпку.

Марианна приложила платье к себе и посмотрела в зеркало. Она с вещами дорогой мамочки, упокой, Господь ее душу, делала так не раз: брала из ее гардероба одно из старых платье, прижимала к груди и танцевала по комнате. Вот и теперь, глядя на себя в зеркало, Марианна улыбнулась и сделала реверанс воображаемому кавалеру.

– Да, благодарю вас, милорд, я с удовольствием подарю этот вальс вам.

Она невесело усмехнулась, отвернулась от зеркала и повесила платье на руку. Нет времени на подобные глупости. Ей необходимо вернуть платья в гардероб вместе с другими прелестными вещами, которые ей никогда не придется носить. Нет никакого смысла желать несбыточного.

Марианна работала у Копперпотов с начала года, по рекомендации леди Кортни из Брайтона. Они жили в одном городе и были знакомы всю жизнь. Ей повезло подружиться с этой замечательной леди. После смерти отца – упокой, Господь, его душу, – потом и мамы она пять лет держала Марианну у себя в роли компаньонки, пока ее племянница не стала достаточно взрослой, чтобы приехать к ней из Суррея.

В результате Марианна оказалась перед необходимостью искать работу и стала просматривать лондонские газеты, где довольно скоро наткнулась на объявление о вакансии горничной для леди Вильгельмины Копперпот, едва отметившей совершеннолетие.

Место горничной в одном из высокопоставленных лондонских семейств – о такой удаче можно только мечтать. Тем не менее она попросила у леди Кортни рекомендацию и уже очень скоро ехала в экипаже в Лондон, где спустя две недели встретилась с леди Вильгельминой и ее матерью.

Марианна была всего на пять лет старше леди Вильгельмины, но более разных абсолютно во всем девушек вряд ли отыщешь. Высокая блондинка могла упасть в обморок при виде жука или лошади, а Марианна была девушкой хрупкой, невысокой, с ярко-рыжей шевелюрой и пока не обнаружила, кого или чего ей стоит бояться.

Марианна в бытность компаньонки леди Кортни несколько раз ездила в Лондон, но понятия не имела о распорядке дня дебютанток, пока не познакомилась с леди Вильгельминой.

Это был настоящий социальный водоворот. Во время сезона юная леди посещала балы и прочие мероприятия практически каждый вечер, и в обязанности Марианны входило следить, чтобы дебютантка была должным образом одета и причесана.

Приходилось вставать ни свет ни заря, а ночью дремать в кресле в комнате леди Вильгельмины в ожидании ее возвращения с бала, чтобы помочь раздеться и лечь в постель.

После окончания сезона Марианна вздохнула свободнее, но передышка оказалась недолгой. На прошлой неделе леди Копперпот объявила, что надо начинать паковать вещи. Все семейство отправляется в Девоншир в поместье лорда Клейтона на прием.

Несмотря на красоту, образованность и обширные семейные связи, юная леди в свой дебютный сезон не получила ни одного брачного предложения, что стало предметом многочисленных тревог и причиной ссор матери с дочерью. Копперпоты явно старались сбыть дочь с рук как можно скорее, поэтому, когда глава семейства получил приглашение на прием в поместье лорда Клейтона, в лондонском доме на Хартфорд-стрит царило оживление. Не приходилось сомневаться, что у лорда Клейтона есть друзья-холостяки, и кто-то из них может оказаться вполне подходящей партией.

Марианна как раз подобрала последнюю вещь с пола – очаровательный розовый ридикюль, когда открылась дверь и вошли леди Копперпот с дочерью.

– Должна признаться, я разочарована, – сообщила леди Копперпот и сбросила золотистого цвета шаль, в которую зябко куталась, на обитый изумрудно-зеленым бархатом стул. Когда дама бывала раздражена, то говорила слегка в нос, но сейчас, явно пребывая не в себе, она гнусавила сверх меры.

– Но ведь еще есть время: они могут приехать, мама, – попыталась успокоить ее леди Вильгельмина, сбросила свои серебристые туфельки и поверх них уронила такого же цвета шаль.

Марианна тут же подняла все три предмета туалета и аккуратно уложила на полки гардероба.

Она успела понять, что горничная должна все делать очень быстро и аккуратно, но без суеты, не путаться под ногами и как можно меньше говорить. В доме леди Кортни все было иначе: та часто спрашивала мнение Марианны по тому или иному поводу, они вместе обедали, беседовали и относились друг к другу как подруги.

– Сомневаюсь, – мрачно ответствовала леди Копперпот. – Я специально спросила леди Клейтон, ожидает ли она лорда Кендалла и лорда Беллингема, и ее ответ был весьма уклончивым. Если бы они собирались приехать, она не стала бы это скрывать.

– Одна из девушек сказала, что, возможно, приедет принц-регент, – поведала Вильгельмина.

Бедная девочка всегда старалась угодить матери, но та никогда не была довольна.

– О господи, Вильгельмина, ну какая тебе разница, приедет принц или нет! – раздраженно проговорила леди Копперпот. – Он женат. Нам нужны подходящие джентльмены здесь и сейчас, а самые подходящие из всех на сегодняшний день – это граф Кендалл и маркиз Беллингем.

Марианна старалась делать вид, что занята наведением порядка в гардеробе, хотя там и так все лежало и висело на своих местах. Она была хорошей горничной и все успевала, а теперь ей хотелось послушать, какие планы у ее хозяев. Так она могла получить представление о состоянии дел в семействе и узнать, долго ли они пробудут в этом доме. Очевидно, начало было не самое хорошее. Плохое предзнаменование.

Лорд Кендалл и лорд Беллингем. Марианна слышала эти имена раньше. Она считала своим долгом запоминать имена всех подходящих холостяков, которых обсуждали леди Копперпот и Вильгельмина. Холостяков было много, и леди классифицировали их по степени пригодности.

Единственными мужчинами, занимавшими в этом списке более высокое место, чем Кендалл и Беллингем, были герцог Уортингтон – вечно пьяный циник, хотя молодой и очень красивый, – и маркиз Мердок. Правда, последнего больше не обсуждали, потому что его уже перехватила в прошедшем сезоне более удачливая леди Джулиана Монтгомери, тем самым разрушив надежды многих энергичных мамаш и их дочурок.

Кендалл и Беллингем, однако, не бывали на мероприятиях прошедшего сезона – во всяком случае, так Марианна поняла из разговоров, – но оставались подходящими, о чем свидетельствовало сильное желание леди Копперпот видеть их на приеме.

– Здесь наверняка будут другие джентльмены, – подала голос Вильгельмина, стараясь угодить матери. – В конце концов, лорд Кендалл и лорд Беллингем не единственные подходящие джентльмены в обществе. Ты сама говорила, что лорд Клейтон дружит с герцогом Уортингтоном, разве нет?

Леди Копперпот закатила глаза.

– Да, говорят, они друзья. Но Уортингтон все-таки тебе не по зубам, дорогая. Ты должна выбрать мужчину своего круга, но не замахивайся так высоко.

Марианна, глядя в шкаф, поморщилась. Леди Копперпот часто обижала и унижала дочь, вообще не обладала чувством такта и, похоже, не любила Вильгельмину.

Девушка вспомнила свое детство. Дом ее родителей не был полной чашей, но его наполняла любовь, там всегда звучал смех. Ни она, ни ее старшие братья не носили изысканных одежд и драгоценностей, родители не устраивали балов, зато в доме жить было радостно. Марианна не могла даже представить, чтобы услышать от родителей хоть что-то обидное или жестокое.

Марианна тряхнула головой, осознав, что уже слишком долго изображает занятость: пора уйти из комнаты, и по возможности незаметно. Она тихо закрыла дверцу гардероба и направилась к двери, соединявшей комнаты Вильгельмины и ее родителей.

Она как раз собиралась переступить порог, когда ее остановила леди Копперпот.

– Марианна, дорогая, хорошо, что ты зашла.

Ну как тут не усмехнуться. Слава богу, дама не видела ее лица. Все время, пока Марианна была в комнате, леди Копперпот делала вид, что не замечает ее, – такое бывало регулярно.

– Будь добра, отнеси шаль в мою комнату, но пройди через коридор и попроси кого-нибудь из местных горничных, чтобы нам принесли чаю.

Марианна развернулась и сделала реверанс.

– Конечно, миледи. – Она подошла к стулу, на котором сидела леди Копперпот, взяла шаль со спинки и спросила: – Вам обычный чай, миледи?

– Да, пожалуйста, – ответила леди Копперпот, не глядя на нее.

– Спасибо, Марианна, – улыбнулась Вильгельмина.

Девушка, при всей своей несобранности и неаккуратности, была доброй, всегда ее благодарила. Не то чтобы это было так уж нужно Марианне, но все же приятно...

Леди Кортни предупредила, что Марианне надлежит быть тихой, незаметной, никогда не ждать особого к себе отношения, но всегда появляться в нужное время в нужном месте и скромно выполнять свою работу. Максимум, на что можно рассчитывать в лондонских домах, – это корректное отношение, питание, медицинская помощь в случае болезни, приемлемые жилищные условия и своевременная выплата жалованья. Копперпоты ее не оскорбляли, относились к ней уважительно, но никогда не только не благодарили, но и вообще не замечали, если поблизости не было Вильгельмины.

Марианна улыбнулась своей хозяйке и выскользнула из комнаты с намерением спуститься по лестнице для слуг и найти горничную, которой можно передать просьбу о чае, но так случилось, что горничная как раз шла мимо, когда она

вышла из комнаты.

Передав ей просьбу хозяйки, Марианна направилась в другую сторону – к спальне лорда и леди Копперпот.

Комната должна была быть пустой. Лорд Копперпот отправился на верховую прогулку с другими мужчинами. Камердинер милорда Бротон слишком много пил и редко выполнял какую-либо работу, когда за ним никто не наблюдал. А горничная леди Копперпот, миссис Уимбли, была уже не первой молодости и не горела желанием проявлять энтузиазм, если того не требовали ее прямые обязанности. В результате Марианне пришлось взять на себя часть забот и о хозяйке миссис Уимбли.

Повернув ручку, она открыла дверь и вошла, но не успела сделать и двух шагов, как испуганно остановилась. В спальне Копперпотов был камердинер, но только определенно не Бротон.

Глава 3

Беллингем провел в комнате лорда Копперпота всего несколько минут, когда дверь открылась и вошла миниатюрная рыжеволосая горничная, но, заметив его, испуганно остановилась.

На него уставились самые бездонные голубые глаза, которые ему когда-либо доводилось видеть. Он подумал, что девушка улыбнется и представится, но вместо этого она воинственно уперла руки в бока и не очень-то любезно спросила:

– Что вы здесь делаете?

Белл одарил девушку самой очаровательной улыбкой, на какую был способен. Это, вероятно, одна из служанок Копперпота, и ему надо было с ней подружиться, как и с другими. Это облегчит выполнение миссии.

– Доброе утро, мисс. Как вас зовут?

Рыжая бестия прищурилась. В синем платье с белым фартуком, черных туфельках и с волосами, свернутыми плотным узлом на затылке, она выглядела очень аккуратной, но явно была обозлена, словно шершень.

Судя по акценту, в родне у нее были ирландцы. Белл кашлянул и вежливо поклонился.

– Извините. Я камердинер лорда Копперпота.

Едва ли это было возможно, но рыжая прищурилась еще сильнее. Ее глаза превратились в сверкающие щелочки на прелестном лице.

– Ничего подобного. Камердинер его милости – мистер Бротон.

Белл выпрямился во весь рост и сцепил руки за спиной, всем своим видом демонстрируя сугубо мирные намерения и желание подружиться с этой строптивой горничной.

– Вы совершенно правы, но сейчас его обязанности выполняю я: мистер Бротон приболел.

Девушка скрестила руки на груди и взглянула на него свысока – по крайней мере так Беллу показалось, хотя она была ниже его минимум на полторы головы.

– Все его болезни на дне бутылки, – буркнула горничная.

Беллу пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Рыжая фурия попала, что называется, не в бровь, а в глаз. Собственная реакция слегка удивила его. Обычно он умел контролировать себя без каких-либо дополнительных усилий.

– Возможно, и так. Меня не проинформировали о причине его недомогания, – легко солгал Белл, но об этом все равно никто не узнает. Кроме того, он впервые за долгое время получал истинное удовольствие от разговора.

Горничная все еще почему-то злилась: уставившись на него горящими глазами, даже ножкой топнула по деревянному полу. В какой-то момент ему показалось,

что она попытается его связать, если он направится к выходу. Это ему тоже, наверняка, понравится.

Девушка явно вознамерилась защитить имущество Копперпотов. Молодец. Белл действительно осматривал комнату, поэтому у нее есть основания ему не доверять. Интересно, почему никто не удосужился поставить в известность горничных, что камердинер заболел?

– И кто же вы? Как ваше имя? – спросила она наконец, все еще поглядывая на него с недоверием.

– А как зовут вас? – с улыбкой задал встречный вопрос Белл, искренне наслаждаясь общением.

Ей, судя по всему, беседа не показалась забавной.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Ладно. Не было никакого смысла настраивать ее против себя еще больше. Похоже, его чар не хватает, чтобы добиться ее благосклонности.

– Меня зовут Николас. Николас Бакстер.

Она немного подняла подбородок, но глаза оставались подозрительными.

– Бакстер? Правда?

– Да. Ну а вас?

– Вам зачем? – не очень-то любезно спросила она и отступила на шаг. Настороженность так и не покинула ее.

Белл внимательно рассматривал горничную. Он уже давно научился быстро оценивать людей и довольно редко ошибался, вот и сейчас понимал, что она не верит ему. Не верит ни одному его слову. Удивительно недоверчивое создание, даже если сравнивать ее со шпионами, среди которых он вращался все последние годы.

Белл улыбнулся еще шире, и сам сделал шаг назад, чтобы она его не боялась.

– Я назвал вам свое имя, мисс, и думаю, что вы вполне могли бы ответить мне такой же любезностью.

Она смотрела на него так, словно его карманы были набиты семейным серебром, но через несколько мгновений все-таки расслабилась и ответила:

– Я – Марианна. Марианна Нотли.

– Рад познакомиться. – Белл улыбнулся так широко, что заныла челюсть.

– Поживем – увидим, – буркнула она, щурясь.

Белл вздохнул.

– Я изо всех сил пытался быть любезным. Очевидно, это понятие вам чуждо, – не удержался он от укола.

Ее очевидное недоверие начало его раздражать, но Беллингом умел не только легко поддаваться чарам, но и очаровывать сам. Даже когда кто-то точно знал, что он лжет, это ничего не меняло. Таковы правила игры. Только эта мисс явно ничего об этом не знала.

Марианна, все еще хмурясь, сменила гнев на милость:

– Просто его светлость не любят, когда посторонние шарят в его комнате в его отсутствие.

– Я не посторонний, во-первых, и не шарил, во-вторых, – спокойно возразил Белл.

Ну да, шарил, но признаваться в этом мисс Нотли не собирался.

– А мне показалось, что шарили, – буркнула Марианна.

Ее акцент становился сильнее, когда она сердилась. Интересно. Но пора прекращать этот цирк.

– Если лорд Копперпот не любит, чтобы слуги находились в его спальне в его отсутствие, что здесь делаете вы? – спросил Белл, скрестив руки на груди, и фальшиво улыбнулся.

Она расправила плечи и вздернула подбородок, явно оскорбленная.

– Я – горничная леди Вильгельмины! А сюда меня послала леди Копперпот, чтобы положить на место ее шаль! – Мисс Нотли взмахнула шалью у него перед носом в знак доказательства своих слов и прошествовала мимо него к гардеробу.

Белл повернулся к ней и кивнул.

– Что ж, если хотите знать, я собирался взглянуть на одежду его светлости: вдруг что-то надо почистить или починить.

Вид оскорбленной невинности, который он постарался себе придать, сделал свое дело: недоверия стало меньше. Когда девушка обернулась и взглянула на него, в ее глазах уже не было прежнего скептицизма, и Белл воспользовался возможностью перевести дух. С этим созданием все придется начинать заново: рыжая бестия явно была настроена против него.

Можно еще раз попытаться очаровать ее, поскольку спорить с ней, очевидно, бесполезно: это никуда не приведет. Как правило, очаровывать женщин он предоставлял Уорту, но иногда, под настроение, мог заняться этим и сам.

Он слегка наклонил голову, прикусил губу и улыбнулся.

– Пусть я и временный работник, но всегда стараюсь выполнять свои обязанности как можно лучше независимо от того, где нахожусь и по какой причине.

Марианна хмуро оглядела его с головы до ног, все еще не поверив в его искренность. А девушка симпатичная: веснушки на переносице... Любопытно, с

чего это вдруг ему пришла в голову такая мысль? Неужели он теперь будет испытывать вожделение к фуриям-горничным?

Она не перестала хмуриться.

– Нет ничего плохого в стремлении хорошо делать свою работу, мистер Бакстер, но мне почему-то кажется, то есть я уверена, что, перед тем как я вошла, вас интересовала вовсе не одежда.

– Боже мой! – воскликнул Белл. – Но почему, скажите на милость, вы так решили? – Фальшивая улыбка оставалась приклеенной к его лицу, пока он лихорадочно соображал, как исправить ситуацию. Эта штука оказалась довольно проницательной. Проклятье!

– Ну, для начала, когда я вошла, вы были вовсе не у гардероба. – Марианна скрестила руки на груди и взглянула на него с натянутой улыбкой.

Черт побери! Обычные банальности на нее не действуют. Мужчина и женщина настороженно взирали друг на друга. Да, похоже, эта рыжая фурия – настоящая проблема. Дружелюбия она не замечает, обольщение не действует, а нахальство и напористость порождают ответные нахальство и напористость, только в большем объеме. Прекрасно. Скорее всего они станут врагами, но в любом случае он не позволит этой дотошной горничной нарушить его тщательно продуманный план.

– Я вошел как раз перед вами и уже направлялся к гардеробу... – попытался Белл еще раз.

Проклятье! Как он позволил себе втянуться в эту бессмысленную перепалку с прислугой? Это же нелепо: зря только время теряет, хотя нельзя не признать, ему даже нравится... немного.

Марианна с громким стуком захлопнула дверцу гардероба и повернулась к нему.

– Хорошо, мистер Бакстер, будем считать, что я вам поверила. Но предупреждаю: если увижу, что вы суете свой нос куда не следует, даже в уборную, немедленно сообщу миледи.

Черт! Ну чем он ей не угодил? Попытаться обольстить?

– Что вы, я и не думал ни о чем подобном! – Ну уж нос совать в уборную он точно не собирался.

Белл понимал, что могли возникнуть проблемы: его узнают, не справится с обязанностями камердинера. Но вот на такое противостояние – и даже враждебность – никак не рассчитывал.

Прищурившись, Белл уставился на недоверчивую девушку. Ему не нравилось, когда приходилось общаться с такими же, как он сам, уверенными в себе людьми.

Она прошла мимо него к двери.

– Уж постарайтесь.

Белл едва не вышел из себя, чуть зубами не закрипел из-за вопиющей самоуверенности этой особы. Он всегда гордился, что при любых обстоятельствах сохраняет хладнокровие, а эта фурия едва не довела его до точки.

И все равно он не позволит, чтобы последнее слово осталось за ней, и уйдет первым. Кстати, он договорился встретиться с друзьями в библиотеке, чтобы обсудить первый день их эксперимента.

Белл быстро обогнал ее.

– Знаете, мисс Нотли, из собственного жизненного опыта я знаю, что те, кто относится с недоверием к другим людям, сами многое скрывают, – сказал он ровным спокойным голосом.

С этими словами он прошел мимо рыжей фурии и покинул комнату с улыбкой на лице, но она ее не могла видеть.

Марианна взглядом проводила Николаса Бакстера. Ни одному его слову она не поверила. Он стоял возле прикроватного столика, когда она вошла в комнату. Милорд обычно хранил там часы и драгоценности. Неужели мистер Бакстер вор?

Бротон, камердинер его светлости, слишком много пил и был ленив, но по крайней мере не воровал, при нем никогда ничего не пропадало.

Она была груба с мистером Бакстером, причем, возможно, без причины. Но так уж случилось, что Марианна никогда не доверяла новым людям сразу, а в этом камердинере было что-то очень подозрительное.

Начать с того, что он совершенно непохож на прислугу: высокий, с широкими плечами и величественной осанкой. Ну не может быть слугой светловолосый красавчик с кристально-голубыми глазами и идеальной формы носом! В нем было еще что-то странное... она сразу не поняла, что именно... Ах да, зубы! У него безукоризненно ровные белые зубы. Она никогда не видела слуг с такими зубами.

За многие годы Марианна научилась быстро оценивать людей: выискивала детали и неизменно подвергала их сомнению. А еще она постоянно прислушивалась к своему внутреннему голосу. Он пока никогда не ошибался.

Помимо наличия крайне подозрительных зубов, этот камердинер выглядел слишком ухоженным для простого слуги. А еще смущала его великолепная физическая форма. Знакомые ей камердинеры за долгие годы служения хозяевам отращивали изрядные животы, на которых с трудом сходились рубашки, а вовсе не мускулы. Кстати о рубашке. Этот предмет одежды мистера Бакстера показался ей слишком элегантным. В целом новый камердинер был скорее похож на каменную статую Адониса, чем на человека из плоти и крови, в обязанности которого входит ухаживать за одеждой хозяина.

У Марианны были все основания не доверять и красавчикам, и тем, кто явно занимает не свое место. А мистер Бакстер как раз такой, совершенно непохожий на преданного слугу.

Она вспомнила Уильяма. Высокий, привлекательный, веселый, он был любовью всей ее жизни, мужчиной ее грез... по крайней мере так она думала. После первой же встречи с ним Марианна превратилась во влюбленную идиотку, но больше она не повторит эту ошибку.

Ей тогда едва исполнилось восемнадцать, она была наивна и доверчива, а Уильям настолько самоуверен, что не сомневался: к его ногам падет любая женщина. Мистер Бакстер явно из той же породы: Марианна это сразу увидела. Только он не знает, что она много лет назад поняла, насколько опасны такие мужчины.

Очень уж подозрителен этот Николас Бакстер, а значит, она не спустит с него глаз, и постоянно будет настороже.

Плохо вот только, что у нее с самого начала с ним не заладилось: слишком явно она дала понять, что подозревает его. Если она действительно хочет знать, что Николас Бакстер задумал, надо использовать против него его же оружие. Чтобы иметь дело с такими, как он, и выяснить, действительно ли он не тот, за кого себя выдает, ей придется задействовать свои чары.

Ее губы дрогнули в улыбке. Он попытался очаровать ее, а теперь это сделает она.

Глава 5

Белл снова увидел мисс Нотли только вечером. Он находился в гостиной с лордом Копперпотом, а она помогала своей хозяйке в спальне. У себя дома супруги имели отдельные апартаменты, но сейчас, в гостях, вторую спальню занимала их дочь. Лорд и леди Копперпот делили одну комнату, что привело к более тесному общению между горничной леди и камердинером лорда.

Учитывая это, Белл сожалел о неудачном начале отношений с этой девушкой и даже на время лишился своей обычной уравновешенности, что было совершенно на него непохоже. А на протяжении двух следующих недель им придется довольно много общаться.

Он решил, что при первой же возможности постарается исправить ситуацию. Чтобы выполнить свою миссию, ему придется и подслушивать, и подсматривать, а мисс Нотли может изрядно затруднить его положение, если станет мешать.

Белл как раз выходил из гостиной, когда Марианна закрывала за собой дверь спальни. Он поспешил по коридору за ней, чтобы попытаться наладить отношения, и самым дружелюбным тоном окликнул ее:

– Мисс Нотли!

Она обернулась с улыбкой на лице.

– Мистер Бакстер.

Ее поведение разительно отличалось от того, что было раньше. Холодность и отстраненность сменились если не радостью, то доброжелательностью.

Белл кашлянул и со смирением в голосе проговорил:

– Я хотел извиниться за грубость. Мне следовало вести себя осмотрительнее и уважать ваше стремление защитить имущество хозяев.

Свою проникновенную речь он сопровождал самой приятной, обезоруживающей улыбкой, перед которой в свое время не могли устоять принцесса, герцогиня и одна из самых высокооплачиваемых актрис «Ковент-Гардена». Разве горничная сможет устоять перед этим обаянием?

– Напротив, мистер Бакстер, – улыбнулась мисс Нотли, – это я виновата. Налетела, не разобравшись.

Что это с ней? Чтобы дама признала, что была не права? Это было так необычно, что Белл подозрительно прищурился. Впрочем, худой мир лучше доброй ссоры.

– Я совсем не хотел обрести в вашем лице врага. Давайте лучше дружить.

Марианна кивнула.

– Давайте. Дружба – это прекрасно.

Откровенно говоря, Белл не ожидал столь скорого успеха, и это настораживало. Ну не похожа мисс Нотли на деревенскую простушку.

– А почему нет? – неожиданно добавила девушка. – Мы оба здесь работаем, лично я всегда стараюсь выполнять свои обязанности хорошо. Если вы тоже готовы честно работать, мы вполне можем дружить.

Она продолжила свой путь по коридору в сторону лестницы для слуг, и Белл устремился за ней удостовериться, что слух его не обманул.

– Да, я также привык выполнять свои обязанности как можно лучше и очень рад, что мы можем стать друзьями. – Он сам себя не узнавал. Что это с ним? Откуда эти едва ли не просительные нотки? Куда подевались его изысканные манеры?

Марианна, не останавливаясь, покосилась на него, и он мог поклясться, что на ее губах мелькнула тень улыбки. Поскольку она молчала, Белл выпалил:

– Да и к чему нам враждовать, правда?

О боже! Что он несет? Судя по тому, что девушка не собиралась останавливаться, вряд ли его слышала. А он бежал за ней, словно потерявшийся щенок.

И лишь когда мисс Нотли подошла к двери, за которой находилась лестница для слуг, Белл понял, что его слова не повисли в воздухе. Улыбнувшись, Марианна проговорила:

– Я совершенно с вами согласна, мистер Бакстер: у нас нет причин для вражды.

– Прекрасно! – обрадовался Белл и протянул ей руку: – Мир?

– И дружба, – рассмеялась она и ответила на рукопожатие неожиданно твердо.

Марианна скрылась за дверью, а он все стоял, прислушиваясь к ее шагам на лестнице, явно ведущей на четвертый этаж к комнатам слуг. Чтобы она не

подумала, что он преследует ее, Белл дождался, пока наверху дважды хлопнула дверь, и только потом медленно направился в свою комнату.

Вроде бы он достиг своей цели: наладил контакт со строптивой девицей, – но что-то все же его беспокоило. Мисс Марианна Нотли не так проста, как хочет казаться. Уж больно скоро она изменила свое отношение к нему. Надо постараться побольше узнать о ней, и как можно скорее.

Глава 6

Марианна подала своей молодой хозяйке завтрак и приступила к подготовке ее туалетов на день, когда в комнату вплыла леди Копперпот.

– Вилли, хорошо, что ты здесь, – проговорила дама. – Ты не представляешь, что я сейчас услышала за завтраком.

Леди Вильгельмина выпрямилась, поставила чашку с чаем на стол и с неприкрытым интересом взглянула на мать.

– Что такое?

Леди Копперпот присела на край кровати дочери и широко улыбнулась, явно довольная.

– Леди Клейтон сказала, что лорд Кендалл решил жениться и подбирает достойную кандидатуру.

Глаза юной Вильгельмины стали круглыми.

– Лорд Кендалл? Он что, здесь?

Леди Копперпот перестала улыбаться и поджала губы.

– Ну, пока еще нет, но скоро приедет. И еще: он намерен найти невесту еще до весны, если, конечно, сможет.

– Ой, мама, это, несомненно, замечательная новость, но здесь так много молодых красивых леди... – Вильгельмина взяла чашку и нахмурилась.

– Вилли, откуда эта неуверенность? – спросила леди Копперпот и похлопала дочь по руке. – Как ты намерена завоевать лорда Кендалла, если заранее предполагаешь, что он предпочтет другую женщину?

– Не знаю, мама, я об этом не думала.

– Прекрати! Когда прибудет лорд Кендалл, ты должна показать себя с лучшей стороны: поддерживать беседу, смеяться его шуткам, интересоваться его увлечениями. В первую очередь тебе надо понять, что ему нравится. Если верить твоему отцу, лорд Кендалл решительно настроен провести через парламент законопроект о занятости. Поговори с ним об этом.

На красивом лице Вильгельмины отразилось беспокойство.

– Но, мама, я ничего не знаю ни о каких законах.

Леди Копперпот закатила глаза.

– Разумеется, но тебе и не надо. Говорить будет он, а твоя задача – мило улыбаться и со всем соглашаться.

Уставившись в гардероб, Марианна нахмурилась. Какую чушь несет леди Копперпот! Зачем внушает дочери, что женщина может только улыбаться, кивать, как китайский болванчик, и воспринимать все, что скажет мужчина, непреложной истиной? Это же нелепо, даже опасно. Если слепо доверять мужчине, об этом можно горько пожалеть.

Марианне было жаль юную Вильгельмину. Бедная девочка не знает, что ее ждет. Конечно, она удачно выйдет замуж и будет жить, ни в чем не нуждаясь, только в силу неопытности и наивности не понимает одной простой истины: чтобы добиться желаемого, мужчина скажет именно то, что девушка мечтает

услышать.

Пусть лорд Кендалл – представитель высшего общества, это ничего не меняет: тем больше причин ему не верить. Уильям был рыцарем, а на поверку оказался негодяем.

Почему-то вспомнился Николас Бакстер. Он явно пытался расположить ее к себе, добиться доверия. Зачем? Ах да, она же решила делать вид, что клюнула на его приманку: во всяком случае, согласилась на мир. Но его настойчивость в предложении дружбы еще больше насторожила ее. Только вот ему знать об этом совершенно необязательно.

– Внизу я слышала еще кое-что интересное, – продолжила вещать леди Копперпот, чем отвлекла Марианну от мыслей и вернула к действительности.

– Что, мама? – спросила Вильгельмина, отхлебывая мелкими глоточками чай.

Леди Копперпот разгладила ладонями юбки и подалась к дочери.

– Очевидно, сэр Реджинальд Фрэнсис имеет вид на мисс Фрэнсис Уортон.

– Надо же! – покачала головой леди Вильгельмина. – Бедная Фрэнсис!

Леди Копперпот выпрямилась и сердито уставилась на дочь.

– Что ты имеешь в виду? Что значит «бедная Фрэнсис»? Эта девушка должна радоваться. Для нее сэр Реджинальд – блестящая партия. Ни она, ни ее сестра не могут похвастаться приданым, и это всем известно. Мисс Фрэнсис должна радоваться, что на нее обратил внимание рыцарь. Он богат как Крез.

Вильгельмина почесала нос.

– Но он... старый и от него неприятно пахнет... А еще у него такая же фамилия, как ее имя.

Марианне пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться. Она точно не знала, кто такой сэр Реджинальд, но, судя по описанию хозяйки, эту неведомую

мисс Фрэнсис Уортон действительно стоит пожалеть.

– Чепуха! – отрезала леди Копперпот. – Эта девица выйдет замуж за рыцаря, и у нее все будет хорошо. Ее мать в этом не сомневается. Помяни мои слова: через несколько дней последует объявление об их помолвке.

Вильгельмина вздохнула.

– Ну, если Фрэнсис хочет выйти за него...

Леди Копперпот раздраженно всплеснула руками.

– Какая разница, хочет или нет? Ее мать знает что делает. Она уж позаботится, чтобы тут не было осечки. А теперь, что касается твоего представления лорду Кендаллу...

Марианна больше почти ничего не слышала. Как, однако, это отвратительно, что молодых девушек из высшего общества продают на ярмарке невест тому, кто больше заплатит, не принимая во внимание их чувства.

Она на мгновение прикрыла глаза, и ей вдруг вспомнилось время, когда она тоже мечтала о замужестве, причем непременно по любви. Это была мечта, и Марианна, тогда слишком молодая и наивная, поверила в нее, а когда Уильям сказал, что хочет жениться на ней, поверила ему.

Разве ее молодая хозяйка сейчас в другом положении? Единственная разница между ними в том, что ее мать позаботится о правильном развитии событий: предложение, помолвка, свадьба. В этом плане дамы из общества куда мудрее, чем когда-то была она. Марианна тогда совершила роковую ошибку.

Глава 7

В тот же день, ближе к вечеру, Беллингем подслушивал под дверью кабинета Клейтона, где десятью минутами раньше собрались Копперпот, Хайтауэр и Каннингем и о чем-то совещались.

То, что все трое подозреваемых собрались вместе, уже само по себе интересно, и Беллингеми было чрезвычайно важно узнать, о чем они говорят. Все трое входили в специальный совет, но часто и тесно общались и за пределами парламента. Белл многое узнал про каждого из них, что их связывает.

Об этой встрече ему сообщил сам хозяин дома, лично явившись в помещение для слуг, где Беллингеми старался проводить свободное время, когда не выполнял поручения лорда Копперпота.

И оно не было потеряно зря. Оказалось, что слуги воистину бесценный кладезь информации. На это, собственно, он и рассчитывал. Кроме Гарри и Чарлза, лакеев Копперпота, Белл свел знакомство с кучером, который частенько наведывался в помещение для слуг в надежде раздобыть что-нибудь вкусное. Белл тогда садился рядом с ним, предлагал орешки и между делом задавал вопросы. Конечно, как и с лакеями, Белл начал с самых невинных, чтобы установить доверие. И с другими это получалось, а вот с мисс Нотли – нет.

С самого начала эта девица ему не доверяла, а завоевать доверие после того, как оно утрачено, невероятно сложно. Она якобы приняла предложение мира, однако Белл считал, что это только для вида. Он достаточно много общался с самыми разными людьми, чтобы понимать это. В шпионской работе умение находить общий язык с друзьями или недругами – самое главное. Если хочешь, чтобы люди во что-то верили, надо научиться их в этом убеждать. И еще надо уметь распознавать, кому можно доверять, а кому – нет.

Беллингеми знал, что среди представителей его профессии человеческая жизнь ничего не стоит, если не умеешь разбираться в людях быстро и эффективно. У мисс Нотли есть прошлое, возможно тайны, и если он хочет завоевать ее доверие, надо постараться узнать ее секреты.

Накануне он отправил депешу коллегам из министерства с просьбой раздобыть любую информацию о мисс Марианне Нотли, горничной леди Вильгельмины Копперпот, и рассчитывал вскоре получить ответ. А пока ему нужно знать, о чем говорят эти трое.

Белл прижал одно ухо к двери кабинета, а другим старательно прислушивался к звукам, доносившимся из разных концов коридора. В конце концов, его здесь мог застать кто угодно, и тогда вся работа насмарку.

Сначала он услышал слова Копперпота:

– Значит, все решено?

– Да, – ответил Хайтауэр. – Подтверждено.

– О какой дате идет речь? – спросил Каннингем.

– Четырнадцатое октября, – ответил Хайтауэр.

– Прекрасно. Успеем к началу работы новой сессии парламента, – сказал Копперпот.

– Полагаю, мы могли бы использовать остальное, – заметил Хайтауэр.

– Деньги захватили? – спросил Копперпот.

– Да, вот, пожалуйста, – ответил Каннингем.

– А вот мои, – сказал Хайтауэр.

Повисло молчание, и были слышны лишь какие-то шорохи, скорее всего денег. Что за сборы? Эти трое что-то запланировали на 14 октября, и это что-то потребовало вложения средств.

– Я только надеюсь, что нас не раскроют, – пробормотал Копперпот.

Хайтауэр нервно рассмеялся.

– Если это случится, за нашу жизнь не дадут и фартинга.

– Согласен, джентльмены, но будем надеяться на лучшее, – добавил Каннингем и хихикнул: – Ну, за успех.

Последовало характерное бульканье. Белл стиснул зубы. Проклятье! Он ничего не понимал: начала разговора не слышал. Необходимо во что бы то ни стало выяснить, что они затеяли. До 14 октября еще целый месяц. Время пока есть. Надо будет расспросить слуг.

Белл опять прижал ухо к двери в надежде услышать что-нибудь полезное.

– Ладно, джентльмены, удачи нам всем, – сказал Копперпот.

– Она нам понадобится, – поддержал его Каннингем.

Послышались шаги по коридору, Белл быстро отошел от двери и, выпрямившись, прислонился к стене, скрестив руки на груди, и сделал вид, что остановился передохнуть.

Еще раньше, чем увидел ярко-синее платье и накрахмаленный белый фартук, Беллингем понял, кто сейчас покажется. Разумеется, мисс Нотли. Кто же еще? Его везения маловато, чтобы это оказался кто-то другой.

Заметив его, она резко остановилась, и у Белла сложилось впечатление, что она обдумывает, то ли развернуться и отправиться туда, откуда пришла, сделав вид, что не заметила его, то ли продолжить путь.

Приклеив на лицо улыбку, далеко не самую искреннюю, Белл стал ждать, очень надеясь, что, вопреки очевидности, трое мужчин не выйдут из кабинета в эту минуту. Копперпот, конечно, узнает своего заблудшего камердинера, а вот Каннингем и Хайтауэр, приглядевшись, легко опознают в нем маркиза Беллингема. Его военная хитрость будет раскрыта, и это произойдет на глазах мисс Нотли. Почему-то именно это ему не нравилось особенно.

Очевидно, горничная приняла решение продолжить путь, а приблизившись, улыбнулась – тоже не слишком искренне – и проговорила:

– Добрый вечер, мистер Бакстер.

Белл вежливо поклонился.

– Мисс Нотли.

Она не стала его игнорировать и, немало удивив, остановилась поболтать, хотя выбрала для этого крайне неудачное время.

– Что это вы здесь делаете? – подозрительно полюбопытствовала она.

Кажется, она хочет не просто поболтать. Эта девица не менее любопытна, чем он сам.

Белл пожал плечами, напустив на себя безразличный вид, и, вложив в свои слова максимум иронии, отвечал:

– Подслушиваю у замочной скважины, разумеется, что же еще?

– На вас похоже. – Она заговорщицки подмигнула и пошла дальше по коридору.

Белл проводил ее взглядом, на мгновение залюбовавшись плавным покачиванием ее бедер, с большим облегчением вздохнул и хотел было уйти: возможно, успеет скрыться до того, как интересующая его троика выйдет из кабинета, – но не удержался и окликнул ее, не понимая зачем:

– Мисс Нотли!

Она остановилась и слегка повернула голову.

– Да?

Если она намерена посоревноваться с ним в сарказме, он это тоже умеет.

– Можно спросить, а что по-вашему я делаю в коридоре?

Мисс Нотли отвернулась так, чтобы он не видел выражения ее лица, и сказала:

– Понятия не имею, мистер Бакстер. Но мне доподлинно известно, что лорд Копперпот и его друзья некоторое время назад уединились именно в этой

комнате. И тот факт, что вы околачиваетесь рядом, наводит на определенные размышления. А если к этому прибавить ваш внешний вид...

Марианна подхватила юбки и, не задерживаясь, упорхнула.

Белл нахмурился, отлепился от стены и двинулся в противоположном направлении, прикусив губу и напряженно размышляя. Что, черт возьми, она хотела этим сказать? Неужели раскусила?

Однако куда больше его заинтриговал тот факт, что она тоже обратила самое пристальное внимание на трех интересующих его джентльменов. Интересно, а что она делала в коридоре?

Хоть бы его коллеги в министерстве внутренних дел поскорее раздобыли и прислали информацию о мисс Марианне Нотли.

Глава 8

На следующий день Марианна спускалась по лестнице в помещение для слуг без особой охоты, и единственная тому причина – мистер Бакстер, который находился там почти постоянно, если не был занят выполнением своих непосредственных обязанностей. Пусть они и заключили некое перемирие, но Марианна поклялась себе, что постарается как можно реже с ним встречаться. Во-первых, он слишком привлекателен, а во-вторых, ведет себя подозрительно.

Тем не менее ей все-таки приходилось время от времени спускаться туда. Вот как сегодня. Юная леди накануне вечером за что-то зацепилась и порвала подол платья, и Марианне предстояло его починить. Пока обе леди отдыхали в своих спальнях, Марианна отправилась на поиски экономки миссис Котсуолд в надежде раздобыть серебристые нитки.

В помещении было тихо и на удивление немногочисленно. Марианна прошла мимо столовой, где за длинным столом сидели несколько человек, но Бакстера среди них не было. Марианна облегченно вздохнула и постучала в дверь маленькой каморки, которую занимала миссис Котсуолд, а уже через несколько минут шла

по коридору в сторону кладовой, где хранилось все необходимое для рукоделия.

Дверь в помещение оказалась приоткрытой, и Марианна, распахнув ее, увидела мистера Бакстера, сидевшего верхом на бочонке в углу. Его нога в сапоге мерно покачивалась, бриджи неприлично плотно облегали тело, а расстегнутый ворот белой рубашки позволял бросить греховный взгляд на мускулистую грудь. Никакого галстука, куртки и шляпы. Светлые волосы были в беспорядке, словно он только что взъерошил их пятерней. По всей видимости, камердинер что-то писал: на коленях у него лежал лист бумаги, рядом на ящике стояла маленькая чернильница, а в руке он держал перо.

– Вы знакомы с грамотой? – непроизвольно вырвалось у Марианны.

Бакстер поднял глаза, и на его физиономии появилась самодовольная улыбка. Марианна судорожно сглотнула, мысленно обругав себя за несдержанность: надо было потихоньку уйти, пока он ее не заметил.

– Ну да, – ответил Бакстер беспечно, но без сарказма. – А вы?

– И я, – призналась Марианна.

– Почему же тогда вы удивлены?

Она не ответила, и он опять опустил глаза.

Что он пишет? Наверняка любовное письмо, что-то вроде: «Дорогая... единственная...» Судя по внешности этого человека, у него должна быть дама сердца в каждом городе. Марианна потрянула головой. Ей-то какое дело? Ей вообще не следует думать о мистере Бакстере, а уж о его личной жизни и подавно.

Она огляделась. Чего здесь только не было: мешки с мукой и сахаром, бочонки с элем, бутылки с вином, жестянки с бобами и всевозможные сушеные травы в горшочках. Только вот корзинок для рукоделия она не увидела.

– Что-то ищите? – спросил Бакстер.

Марианна кашлянула.

– Да, нитки: надо починить платье миледи. Миссис Котсуолд сказала, что все необходимое здесь.

Он тоже посмотрел по сторонам.

– Если хотите, помогу вам в поисках.

– В этом нет необходимости, – сдержанно улыбнулась Марианна. – Думаю, справлюсь сама.

Тем не менее Бакстер отложил написанное в сторону, прыгнул с бочонка и принялся методично открывать дверцы и выдвигать ящики. Марианна последовала его примеру. И хоть оба они молчали, она вдруг поняла, что для него почему-то важно найти проклятые нитки раньше ее. Ну уж нет, не бывать этому!

В процессе поисков она продвинулась в дальнюю часть комнаты, где он оставил то, что писал. Марианне очень захотелось узнать, письмо ли это. Она незаметно скосила на него взгляд, но увы: бумага оказалась перевернутой текстом вниз. Может, все-таки попытаться заглянуть?

– Нашел! – раздался голос Бакстера.

Ах как вовремя! Марианна обернулась и чуть резче, чем было необходимо, спросила:

– Где?

Он указал на верхний стеллаж, до которого она вряд ли смогла бы дотянуться.

– Там, – ответил он с улыбкой.

Она протянула руку в надежде, что он передаст ей нитки, подождала несколько мгновений и нетерпеливо спросила:

– Ну?

– Что «ну»? – весело переспросил Бакстер.

– Вы не собираетесь передать мне нитки?

– А вы хотите, чтобы я это сделал, мисс Нотли? – уточнил он с дьявольской улыбкой.

Марианна почувствовала, что краснеет.

– Да, мистер Бакстер, хочу.

– Есть одно слово, мисс Нотли, которое обычно используют в подобных ситуациях. Оно, говорят, имеет большую силу.

Ах, как ей захотелось залепить ему пощечину, чтобы стереть эту самодовольную ухмылку!

– И что же это за слово?

– «Пожалуйста», мисс Нотли. Это слово «пожалуйста».

Похоже, ему доставляет удовольствие издеваться над ней: это видно по его кристально-чистым голубым глазам. Ну уж нет! Надо покончить с этим раз и навсегда.

Чтобы не встречаться с ним взглядом, она выбрала точку на стене и, уставившись на нее, сладким голосом пролепетала, захлопав ресницами:

– Не передадите ли мне нитки, мистер Бакстер? Пожалуйста, будьте так любезны.

У него едва челюсть не отвисла от удивления, но коробку с нитками она получила и в ответ сделала такой реверанс, что едва не села на пол:

– Спасибо, вы так любезны! Ах как бы я без вас?..

– Рад был помочь, – выдавил Белл, с трудом сдерживая хохот.

– Сомневаюсь! – буркнула бестия и тут же решительно направилась к двери.

– Могу я вас кое о чем спросить, мисс Нотли? – крикнул ей вслед Белл, явно наслаждаясь ситуацией и стараясь раздражить ее еще больше. Марианна остановилась.

– Думаю, да, мистер Бакстер.

– Какой вы были в детстве?

Марианна не сдержалась и фыркнула: зачем ему это? Мог бы спросить о чем-нибудь другом, если уж решил изводить ее ерничаньем.

– Знаете, у вас очень красивая улыбка, да и смех чудесный, – неожиданно серьезно проговорил Белл. – Только я не понимаю, что забавного в моем вопросе.

Марианна подавила усмешку. Ах вот как: «чудесный смех» – тот чудовищный звук, который у нее вырвался? Вряд ли. Да, похоже, мистер Бакстер – опытный соблазнитель: такие используют женщин, а потом бросают, как грязные носовые платки. Его льстивые речи, возможно, и могли бы произвести впечатление на юную горничную, но ее провести он не сможет.

– Почему вас это интересует?

– Просто захотелось узнать, рассказывали вы взрослым, если кто-то из других детей нарушал правила или озорничал, – усмехнулся Белл.

– Ах вот, значит, что вы обо мне думаете!

Разговор начал ее нервировать. Давно пора его прекратить, вернуться наверх и заняться, наконец, платьем леди Вильгельмины.

В этот момент, словно почувствовав ее настроение, он быстро преодолел разделявшее их расстояние, подошел и прислонился плечом к дверному косяку.

– Вы очень недоверчивы и подозрительны.

– Я? – переспросила Марианна, подавив улыбку, скрестила руки на груди и подняла брови. – А у меня есть основания вам доверять?

Белл почесал подбородок и улыбнулся.

– Думаю, что нет.

– Ну вот, видите?

И Марианна, подхватив юбки, прошмыгнула в открытую дверь.

– Вы так спешите?

Он вдруг оказался так близко, что его дыхание обожгло ей ухо.

Марианна замерла, глядя прямо перед собой.

– У меня много дел.

– И что, даже минутки нет для отдыха... наслаждения? – Его слова лились как шелк, песня сирены... Он, опытный совратитель, завлекал, соблазнял.

Она слегка повернула голову – совсем немного, – чтобы посмотреть на него. Это было ошибкой: он оказался слишком близко. Марианна попыталась взять себя в руки, говорить медленно, чтобы слова звучали ровно и уверенно.

– Значит, то, что сейчас здесь происходит, вам доставляет удовольствие? – Марианну захлестнула теплая волна. – По правде говоря, я не совсем понимаю, почему вы так интересуетесь мной, мистер Бакстер.

Он прикусил губу, а она подумала: «О боже! Он наверняка знает, как соблазнительно выглядит, когда это делает».

– Возможно потому, что вы представляетесь мне загадкой, а я люблю разгадывать загадки.

Их глаза встретились.

– Я ничуть не более загадка, чем вы.

– Справедливо. – Белл кивнул. – Прежде чем вы уйдете, могу я задать вам еще один вопрос, мисс Нотли?

– Задавайте.

– Почему у вас изменился акцент, когда вы попросили меня передать вам нитки?

Глава 9

Мисс Нотли что-то скрывает. Белл в этом не сомневался. Накануне в кладовке она быстро ушла от ответа на его вопрос относительно смены акцента, заявив, что понятия не имеет, о чем это он. Но привычка подмечать детали не подвела: целую фразу Марианна произнесла без примеси ирландского акцента и просторечья.

Ему придется проявлять большую осторожность. Если он насторожил ее, могут быть и другие. Если начать докапываться, она откажется с ним разговаривать, а это путь в никуда. Увидев выражение ее лица: смесь шока и упрямого нежелания признавать правду, – он почувствовал, что, если проявить настойчивость, результат ему может не понравиться.

Прошлой ночью, впервые после приезда в дом Клейтона, Белл плохо спал: беспокойно ворочаясь на койке в комнатухе на четвертом этаже, никак не мог забыть, что комната мисс Нотли совсем недалеко, в другом конце коридора, где разместили «элиту» женской части прислуги – личных горничных. Белл видел,

как она вошла туда вчера, после того как закончила свои дела.

Бессонная ночь привела к неутешительному выводу: слишком много места мисс Нотли занимает в его мыслях. Возможно, она что-то скрывает, но вряд ли это как-то связано с его делом. Даже если предатель – лорд Копперпот, маловероятно, что за него написала донос служанка его дочери. Ему следует присмотреться к слугам-мужчинам, которые работают у Копперпота, Каннингема и Хайтауэра. Весьма велики шансы на то, что в деле замешан один из них. К такому выводу пришли аналитики из министерства внутренних дел. Белл сразу же наладил контакт с кучером Копперпота, камердинером Хайтауэра Брумсли и Уилсоном, одним из слуг Каннингема.

Брумсли оказался настоящей находкой: болтун, который легко выбалтывал абсолютно все, даже то, о чем его никто не спрашивал. Уилсон, напротив, был угрюмый молчун и редко произносил больше одного-двух слов, несмотря на болтовню Белла. Его дружелюбие на Уилсона абсолютно не действовало. После нескольких безуспешных попыток завязать с ним разговор Беллингем заподозрил, что Уилсон состоит в родстве с мисс Нотли.

Бротон, постоянный камердинер Копперпота, вряд ли мог быть причастен к делу. Все без исключения слуги утверждали, что если он не работал, то пил, на него ни в чем нельзя было положиться. Белл сомневался, что Копперпот мог доверить ему такую важную миссию. Нет. Кто бы ни написал донос, это был человек надежный, которому его хозяин мог полностью доверять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/valeri-boumen/kamerdiner-kotoryy-lyubil-menya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)